УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-147-154

АЛИМУРАДОВ Олег Алимуратович

Пятигорский государственный университет
г. Пятигорск, Россия
alimuole@mail.ru

ALIMURADOV Oleg A

Pyatygorsk State University
Pyatygorsk, Russia
alimuole@mail.ru

ФАКТОРОВИЧ Александр Львович

Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
af03@mail.ru

FAKTOROVICH Alexander L

Kuban State University
Krasnodar, Russia
af03@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ДИСКУРСА «ГОТИКИ»: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И АМБИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРСОНАЖА

THE PECULIARITY OF "GOTHIC" DISCOURSE: CORRELATION BETWEEN THE LITERATURE TRADITION AND AMBIVALENT IMAGE

В статье рассматривается связь между дискурсивно явленной амбивалентностью персонажа и «готической» литературной традицией. Показано, что для современной дискурсологии характерно взаимодействие общепсихологических тенденций с определенными традиционными языковедческими подходами в осмыслении объектов. Данная объяснительная интеракция усиливается по системе причин. Среди них особо значимы две. Это верификация дискурса как особого феномена и рассмотрение якобы отжившей эстетической традиции в ее динамике, включающей современную рефлексию с элементами возрождения, - на примере «готики». В данной познавательной ситуации правомерна характеристика дискурсивного проявления важного признака эстетической традиции, а именно амбивалентности литературного персонажа. Амбивалентная языковая личность (АЯЛ) определяется как такой тип языковой личности (человека, существующего в языковом пространстве), для которого принципиально совмещение взаимоисключающих характеристик, феномен «единства полюсов». Закономерно внимание к всеобщности как черте АЯЛ. Отмечаются категориальные предпосылки указанной взаимосвязи и характеризуются те свойства «готического» дискурса, которые сопряжены с анализируемыми проявлениями амбивалентности. При этом учитываются такие показатели, как маркер амбивалентности; смена стилистических, оценочных регистров; амбисемия.

Категориальные предпосылки анализа взаимосвязи между литературной традицией и амбивалентностью персонажа раскрываются на примерах исследовательской практики и системных корреляций. Так, в литературной «готике» представлен «амбивалентный злодей со смешанным противоречивым характером, стоящий перед выбором между Добром и Злом». Амбивалентность в общем виде постулируется в качестве значимой черты литературной традиции. Конкретизация подтверждает объяснительную силу выявленной взаимосвязи. С указанной «категориальной переключкой» естественно сопрягается и категоризация на основе взаимосвязи «позитивное-негативное лицо». На избранный материал распространяемо положение о том, что в коммуникации собеседники могут быть заинтересованы в единовременном представлении обеих ролей, в том, чтобы поддерживать и сохранять лицо друг друга. Для «готического» дискурса такое единство показательно. Данное проявление негопозитивности отмечается в определенных речевых актах - например, в акте извинения человек играет две полярных роли: виноватого и осуждающего самого себя. При этом соотносятся различные ракурсы характеристики объекта: системно-речевой, дискурсологический, обобщенный интердисциплинарный, причем с эпистемическим прогнозом. Соответственно появляются предпосылки для понятийного комплекса, представляющего особую суть материала. Отмеченная категориальная связь дает основания полагать, что дискурсивно явленная амбивалентность сложно, специфично и ясно взаимодействует с «готическими» образами и с сутью «готики» как традиции.

Ключевые слова: амбивалентность, амбивалентная языковая личность, «амбивалентный злодей», амбисемия, «готика», готический дискурс, категоризация, литературная традиция, маркер, негативное лицо, позитивное лицо, негопозитивность, образ, понятийный комплекс, смена

The paper describes the connection between the discourse ambivalence of image and "gothic" literature tradition. It is showed, that interrelation of psychological tendencies and linguistic approaches is typical for the modern discoursology. This interaction becomes intensive by the complex of causes. Two causes are peculiar relevant: the verification of discourse as specific phenomenon and dynamic systematic of old tradition including the modern reflections. The characteristics of discursive manifestation of the main sign of aesthetic tradition, of ambivalence of literature image, is adequate in this cognitive situation. The ambivalent language person (ALP) is defined as person (man in language sphere) combining two polar qualities. The attention to universe status of ALP is natural. The category presuppositions of this connection are marked, and corresponding qualities of "gothic" discourse are characterized. Such signs as marker of ambivalence, change of stylistic, value registers, ambisemy, are systematized.

The categorical presuppositions of connection between literature tradition and ambivalence of image discover on examples of science practice and system correlations. Thus, "ambivalent villain" with contradictory character and choice kindness and evil is represented in literature gothic. General ambivalence is postulated as sign of tradition. The concretization verifies the explanatory force of this connection. It coordinates with category pair "positive-negative person". The thesis about adequate representation of two roles for complicated communicative symmetry is correct for material. Such unit is characteristic for "gothic" discourse. This manifestation of negopositivity is marked in concrete speech acts- for example person in excusive acts has two polar roles: guilty and convictor. Different aspects of characteristic in this situation correspond with epistemic prognosis. Such categorical connection founds to opinion that discourse ambivalence interrelates with "gothic" images and with the essence of "gothic" as tradition completely, peculiar and clearly.

Keywords: ambivalence, ambivalent language person, "ambivalent villain", ambisemy. "gothic", gothic discourse, categorization, literature tradition, marker, negative person, positive person, negopositivity, image,

стилистических регистров, стилистический регистр, целостность, эпистемический прогноз.

concept complex, change of stylistic registers, stylistic register, whole, epistemic prognosis.

1. Для современной дискурсологии характерно взаимодействие общефилологических тенденций с определенными традиционными языковедческими подходами в осмыслении объектов. Данная объяснительная интеракция усиливается по системе причин. Среди них особо значимы две. Это верификация дискурса как особого феномена, а не фикции, не мифа [8, с. 52]; и рассмотрение якобы отжившей эстетической традиции в ее динамике, включающей современную рефлексивность с элементами возрождения, - в частности, на примере «готики» [4; 12].

В данной познавательной ситуации правомерна задача, решаемая в предлагаемой статье, - характеристика дискурсивного проявления важного признака эстетической традиции, а именно амбивалентности литературного персонажа. «Амбивалентное очарование», реализация амбивалентной языковой личности (АЯЛ) все чаще становятся критериями идентификации разнообразных духовных феноменов, о чем свидетельствуют и филологические публикации 2016 г. [1; 7. См. также основополагающие филологические исследования амбивалентности, выполненные Н.С. Котовой и Ю.М. Павловым]. Последняя характеризуется как такой тип языковой личности (человека, существующего в языковом пространстве), для которого принципиально совмещение взаимоисключающих характеристик, феномен «единства полюсов». Закономерный характер избираемого подхода коррелирует с растущим вниманием к всеобщности как черте АЯЛ и, соответственно, двух контрастных граней, по традиции условно обозначаемых ЯЛ1 и ЯЛ2.

Поставленная задача предполагает два основных аспекта, выделяемых отчасти условно, причем тесно связанных между собой. Во-первых, отмечаются категориальные предпосылки указанной взаимосвязи. Во-вторых, характеризуются те свойства «готического» дискурса, которые сопряжены с анализируемыми проявлениями амбивалентности. При этом учитываются такие показатели, как маркер амбивалентности; смена стилистических, оценочных регистров; амбисемия.

2. Обратимся к первому отмеченному аспекту, к первой грани указанного двуединства. Категориальные предпосылки анализа взаимосвязи между литературной традицией и амбивалентностью персонажа представим на примерах исследовательской практики и системных корреляций. Показательно следующее обобщение: «...на наш взгляд, в литературной "готике" представлены следующие типы "готических" злодеев: амбивалентный злодей со смешанным противоречивым характером, стоящий перед выбором между Добром и Злом» [4, с. 273]. У цитируемого исследователя Б.Р. Напцок, как и у иных готиеведов, амбивалентность в общем виде справедливо постулируется в качестве значимой черты литературной традиции. Конкретизация подтверждает объяснительную силу выявленной взаимосвязи, но уточнение ведется в этнолингвистических рамках, с обращением «к душевному конфликту и нравственным метаморфозам, а затем и к преступлению. Позже наступает раскаяние и расплата за совершенные злодеяния» [4, с. 273-274]. Эту объяснительную силу верифицирует и совершенно другой эмпирический материал, который принадлежит иной традиции, но оказывается проявлением сходных связей, опирающихся на двойственность, на единство полюсов: «...у автора формируется амбивалентное отношение к аксиологическому верху, ценностные приоритеты, спродуцированные в земной мир, утрачивают свой изначальный смысл» [3, с. 160].

Можно полагать, что подтверждением соотнесенности традиции и амбивалентности образа служит и особый вектор осмысления - категоризация языковой личности персонажа. Примечателен ряд образов, предложенный в цитированной работе Б.Р. Напцок: «К таким героям относятся Манфред из романа "Замок Отранто", королева Елизавета I из романа "Убежище, или Повесть иных времен"...». Этот ряд, включающий культовых героев с прототипами из "первой реальности", открывается образом из "готического эталона". А именно - из романа Харолда Уолпола "Замок Отранто" /середина XVIII в./ . Причем - образом сугубо литературным (хотя также имеющим прототипы); «Амбивалентный злодей»

Манфред - владелец княжества Отранто, внук узурпатора Рикардо - представляет в одном лице князя, правительственную власть и суд. В Манфреде, как и в героях последующих "готических" романов, сочетаются высокое социальное положение и антисоциальное поведение» [4, с. 273-274. Выделено цитируемым автором Б.Р. Напцок. - О.А., А.Ф.]

Вполне очевидна категориальная перекличка приведенного лингвистического положения и следующего суждения, показательного для лингвистики: «Нет необходимости в том, чтобы читатель понимал точное значение каждого слова или фразы: сила текста состоит в его перманентной двусмысленности и полисемичности. Текст - это модель борхе-

совского Алефа, волшебного зеркала, концентрирующего в себе множество точек пространства и отражающего все во Вселенной...

Действительно, необходимым условием успешной интерпретации текста выступает изотопия...» [2, с. 21].

Эта категориальная связь естественно нацеливает и на специфику дискурса определенной традиции, и на амбивалентность, которая может являть изотопию крайне оригинально, не отменяя ее изначальной природы.

На наш взгляд, с указанной «категориальной переключкой» естественно сопрягается и та категоризация на основе взаимосвязи «позитивное-негативное лицо», которую развивают П. Браун и С. Левинсон [9, с. 118], а также их последователи, единомышленники. Они предлагают различать «негативное лицо» (Negative Face) и «позитивное лицо» (Positive Face) [10, с. 128]. На избранный материал распространяемо положение о том, что в коммуникации собеседники могут быть заинтересованы в единовременном представлении обеих ролей, в том, чтобы поддерживать и сохранять лицо друг друга. Для «готического» дискурса, включая исследуемое произведение Х. Уолпола, такое единство показательно. Как полагает Э. Гоффман, это проявление негепозитивности отмечается в определенных речевых актах - например, в акте извинения человек играет две полярных роли: виноватого и осуждающего самого себя [11, с. 69. В дальнейшем, раскрывая роль категориальной пары «позитивное-негативное лицо» в представлении АЯЛ, приводим компоненты, характерные для каждого члена пары]. При этом соотносятся различные ракурсы характеристики объекта: системно-речевой, дискурсологический, обобщенный интердисциплинарный, причем с эпистемическим прогнозом. Соответственно появляются предпосылки для понятийного комплекса, представляющего особую суть материала.

Таким образом, отмеченная категориальная связь дает основания полагать, что дискурсивно явленная амбивалентность сложно, специфично и ясно взаимодействует с «готическими» образами и с сутью «готики» как традиции.

3. Данный промежуточный итог, обобщающий первый аспект двуединой проблематики, позволяет остановиться на следующем, втором - то есть конкретизировать те свойства «готического» дискурса, которые сопряжены с анализируемыми проявлениями амбивалентности. При этом учитываем характерную черту «готического» дискурса - сложное единство двух граней, а именно: эмоциональные доминанты; и их четкое «дискурсивное артикулирование». (Первую грань определяют как вызов классицизму, вторая ограничивает типовые традиции готики от сентиментализма. Причем готический, романтический, сентименталистский и иной вызов классицистическим канонам сам по себе тоже может оказаться особым клише, но обновленным, согласным с эстетической, социокультурной, дискурсивной динамикой).

Представим лингвоперсонологическую характеристику отмеченного выше персонажа Х. Уолпола - богатого, независимого князя Манфреда. Она раскрывает его амбивалентность, взаимодействие ЯЛ1 и ЯЛ2, двух его «лиц»: негативного и позитивного. Наиболее концентрированно линии представления АЯЛ отражены в емком «ядерном» контексте.

Манфреду в нижеследующем сжатом лингвоментально-эмоциональном пространстве стыдно за бесчеловечное обращение с женой Ипполитой - и за этот свой стыд, «за угрызения совести»; в нем жива любовь к ней - и он собирается обойтись с Ипполитой еще более жестоко (сменив ее на другую, Изабеллу, недавнюю невесту их сына); добрый порыв Манфред подавляет, не позволяет себе проявлять такое желание; и переживает новый поворот - а именно поворот к изощренной низости: рассчитывая на покорность жены до беспредельной меры, «льстил себя надеждой, что Ипполита примет развод и постарается уговорить Изабеллу принять его руку»; предается этой почти беспочвенной мечте - и сразу же, «придя в себя», отшатывается от мечтаний в куда более суровую явь.

Соответственно, взаимодействие ЯЛ1 и ЯЛ2 Манфреда можно систематизировать девятью основными отмеченными выше линиями. См. контекст, послуживший основой систематики, как целое:

«Кроме того, ему стыдно было за свое бесчеловечное обращение с княгиней, которая на каждое оскорбление отвечала новыми изъявлениями любви и преданности; он почувствовал, что в сердце его жива любовь к ней, но в не меньшей степени стыдился и того, что ощущает угрызения совести за свое поведение по отношению к женщине, с которой он собирался обойтись еще более жестоко, он подавил порыв своего сердца и даже не позволил себе проявить жалость. И сразу же вслед за тем в его душе совершился новый поворот, на этот раз - к изощреннейшей низости. Рассчитывая на неизменную покорность Ипполиты, он

стал лстыть себя надеждой, что она не только смиренно примет развод, но даже постарается, если он ей прикажет, уговорить Изабеллу отдать ему свою руку. Однако едва предался он этой ужасной мечте, как тотчас вспомнил, что Изабеллу пока еще никак не удастся найти. Придя в себя, он отдал приказ тщательно охранять все подходы к замку...».

4. Обороты амбивалентного маятника мгновенны, лингвоментально-эмоциональная дуэль с самим собой явлена почти одномоментно, что отвечает сути литературного образа вообще, данной традиции в частности, а также личностям определенного склада в «первой реальности». (Тем более что они соответствуют определенным жизненным эпизодам в биографии таких владетельных особ, как французские короли Филипп II Август, Филипп VI, а также ряда других). Вышеприведенное ядро, «узел» амбивалентности получает в дискурсе развертывание, причем не только проспективное, но и ретроспективное.

Как вытекает из приведенных выше характеристик, репрезентации АЯЛ присуща опора на единство системных отношений: антонимических, гипо-гиперонимических, ассоциативных (среди них значима обусловленность, детерминация), на семантическую конверсию и т.п. Соответственно определяется поле персонологической амбивалентности, в атрибуции которого соединяется семасиологическая, ономасиологическая, концептуальная, текстовая грани.

Именно полевая организация интегрирует указанные линии персонологического представления. Каждая из них самодостаточна, в целом они весьма различны и многомерны. Это могло бы априорно разрушить цельность дискурса. (Ср. потенциально возможное соседство: * в сердце его жива любовь к ней... И сразу же вслед за тем в его душе совершился новый поворот - к изощреннейшей низости.). Но именно упорядоченная предельная многомерность оберегает от дискурсивного распада, наоборот - парадоксально становится, благодаря полевой организации, предпосылкой особой бесспорной цельности, которая взаимообусловлена с готической эстетикой.

Подчеркнем общесистемную черту, принципиальную для исследуемой традиции: как АЯЛ представлены и некоторые другие персонажи, нередко гораздо проще. Таковы, например, три таких репрезентации персонажей, которые условно именуем сопутствующими.

4.1. Первое представление - ложь во спасение, к которой прибегает сюжетно центральный положительный персонаж, отец Джером (монах, он же потаенный законный наследник высшего титула и майората) и в которой он почти сразу признается, раскаивается, постоянно отрицая себя прежнего.

4.2. Второй сопутствующий момент амбивалентности - «самопрезентация» также сугубо позитивной Матильды, дочери Ипполиты и Манфреда: она влюбилась в «простолюдина»!.. И самооценкой (естественной для героини, для традиции - и для «первой, долитературной реальности») становится стык полюсов: « - Ты, ты... влюблена? В это грозное для всех нас время... - О, я сознаю свою вину, - промолвила Матильда, - я отвратительна самой себе, ибо причиняю боль родной матери. Она для меня дороже всего на свете».

4.3. Третье проявление амбивалентности еще разительнее - это простой стык отрицания и утверждения, мгновенный переход от одного полюса к иному, единство «нет-да», - оно принципиально для «готики» и явлено во внешне простых репликах простейшей служанки Бьянки. При этом она отрицает и тут же утверждает не что иное, как свою осведомленность:

«Отозвав Бьянку в оконную нишу и улещивая ее многими сладкими словами и обещаниями, Манфред спросил, что ей известно о чувствах Изабеллы. - Мне, ваша светлость? Нет, ваша светлость... То есть да, ваша светлость... Бедняжка! Она так ужасно встревожена ранами своего батюшки; но я уверяю ее, что все пойдет на лад, а вы как думаете, ваша светлость? - Я спрашиваю тебя не о том, что думает она о своем отце, - ответил Манфред».

В английском оригинальном тексте две выделенные реплики соединены бессоюзно (ср. союз «то есть» в русском переводе), от чего столкновение полюсов предстает еще системнее:

«! my Lord! no my Lord—yes my Lord—poor Lady! she is wonderfully alarmed about her father's wounds; but I tell her he will do well; don't your Highness think so?»

"I do not ask you," replied Manfred, "what she thinks about her father; but you are in her secrets. Come, be a good girl and tell me; is there any young man—ha!—you understand me"».

Такие давние, простые иллюстрации сложности человеческой природы ассоциируются с констатацией позднейших состояний, при которых, например, «...современный человек утрачивает возможность обрести целостность своего Я...» [5, с. 331] - и, установив истоки, позволяют избежать излишней драматизации при оценке амбивалентности.

5. Естественное нагнетание амбивалентности различных персонажей, мотивированное сюжетно, эстетически, психологически, создает органическое дискурсивное пространство для реализации принципов литературной традиции. В нем также проявляются признаки интегративного поля; причем эта макрополевая, макросистемная организация представляется закономерной ввиду комплекса причин, среди которых важно взаимодействие подсистем, построенных как комплексные поля. В силу этого весь дискурс «Замка в Отранто» оказывается своеобразной поддержкой амбивалентной доминанты в системе образов. Есть основания предполагать и еще более сложное единство, обобщающее поле амбивалентности в различных произведениях данной традиции, включая, например, «Старый английский барон» /1780 г./ Клары Рив, который автор определяла как «литературный отпрыск "Замка Отранто"».

5.1. Отметим три наиболее явных взаимодействия между представленным ядерным «узлом» амбивалентности и дискурсивным развертыванием.

Первая интеракция относительно элементарна. В дискурсивном окружении конкретизируется поворот князя Манфреда к низости, намеченный в ядре, см.:

«И сразу же вслед за тем в его душе совершился новый поворот, на этот раз - к изощреннейшей низости...

- Отец мой, - сказал князь, - вы неверно толкуете мое раскаяние. Я искренне чту добродетели Ипполиты; я считаю ее святой. .. Знайте же, что душа моя давно неспокойна из-за моего союза с княгиней Ипполитой. О, господа, если бы вы только были знакомы с этой превосходной женщиной! Если бы вы знали мои чувства к ней! Ведь я обожаю ее как возлюбленную и высоко ценю, как лучшего своего друга, - но, увы, человек не рождается на свет для, полного счастья! Княгиня разделяет мое беспокойство, и с ее согласия; я представил это дело на рассмотрение церкви, поскольку мы с ней состоим в таком родстве, при котором брак недопустим».

Попытка Манфреда «этически оправдать амбивалентность» оказывается коммуникативно безуспешной. Собеседник, священнослужитель, последовательно отвергает уговоры и клеймит похвалы Манфреда жене как позорное лукавство.

5.2. Но в том-то и значимость рассматриваемой репрезентации, единства полюсов, что негатив не глобально отвергается, а находит специфическую мотивацию... Такова вторая интеракция, выявленная между ЯЛ1 и ЯЛ2; она подкрепляет «неэтичные и нелогичные» намерения Манфреда той логикой характера его жены Ипполиты, которая явлена в предельно естественных ситуациях и вполне определенно представляет именно АЯЛ. Именно так связаны узловой фрагмент и его дискурсивное окружение:

«Он /Манфред/ стал льстить себя надеждой, что она /его жена Ипполита/ не только смиренно примет развод, но даже постарается, если он ей прикажет, уговорить Изабеллу отдать ему свою руку.

...Манфред, чье самолюбие было уязвлено, задрожал от ярости. На лице Ипполиты было написано изумление и нетерпеливое желание узнать, чем все это кончится, однако почтение к Манфреду было в ней сильнее всех прочих чувств и положению, ...должны говорить, не взирая на лица, так, как вам велит ваш долг, но мой долг - не слушать ничего такого, что, по усмотрению моего повелителя, не должно достигать моих ушей. Следуйте за князем в его покои, я же удалюсь в мою молельню, где буду молить пресвятую деву наставить вас своими благими советами и вернуть моему супругу его обычное спокойствие и мягкосердечие».

Изобретательная покорность жены, доходящая до самоуничижения, особо органична потому, что сопряжена с «изумлением».

Кстати, именно состояние изумления объединяет лингвоментально-эмоциональную репрезентацию обоих супругов, злодея Манфреда и добродетельной Ипполиты, подтверждая естественность системы образов. Это единство обнаруживается в третьей рассматриваемой интеракции, которая обобщает достаточно разнообразные проявления.

5.3. Третья интеракция ЯЛ1 и ЯЛ2 - подтверждение добрых порывов Манфреда. Это именно добрые порывы злодея. Они явлены в сложных и вполне правдоподобных связях со своими противоположностями.

5.3.1. Так узловой фрагмент о «живой любви» сопряжен с изумлением Манфреда, которое гасит гнев:

«...ему стыдно было за свое бесчеловечное обращение с княгиней, которая на каждое оскорбление отвечала новыми изъявлениями любви и преданности; он почувствовал, что в сердце его жива любовь к ней».

Однако сердце Манфреда не было все же каменным. Изумление погасило в князе гнев, но гордость не позволяла еще ему признаться, что и он тронут происшедшим. Он даже сомневался, не было ли совершившееся открытие выдумкой монаха ради спасения юноши.

« - Что все это значит? - спросил он. - Как может он быть твоим сыном? Согласуется ли с твоим саном и со святостью твоего поведения признание, что этот крестьянский прыск - плод твоей незаконной любовной связи с какой-то женщиной?

- О, господи! - вздохнул старик. - Ужели ты сомневаешься в том, что он мое порождение? Разве мог бы я так горевать из-за него, не будь он моим родным сыном?».

5.3.2. Системно связан с вышеуказанными фрагментами следующий, кульминационный в данном звене сюжета (раскрытие загадки побега пленников в замке). Эта системная связь между различными условиями позитивных порывов «злодея» имплицитна и оттого особенно значима:

« - Правда для меня дороже жизни, - отвечал крестьянин, - и я не стану отвращать от себя смерть ценою лжи. - В самом деле, молодой философ! - презрительно сказал Манфред. - Так вот скажи мне, что за шум я слышал. - Задавайте мне вопросы, на которые я могу ответить, и, если я солгу, можете казнить меня. Манфред, которого начали уже злить невозмутимость и бесстрашие юноши, вскричал: - Хорошо же, отвечай, правдолюбец; этот шум, услышанный мною, был вызван падением подъемной двери? - Да, - ответил юноша. - Я так и знал, - произнес князь. - Но как же ты дознался, что здесь есть подъемная дверь?

Проявленное юношей присутствие духа, а также его прямота и искренность произвели большое впечатление на Манфреда. Он даже ощутил склонность великодушно простить юношу, не повинного ни в каком преступлении. Манфред не был одним из тех свирепых тиранов, которые черпают наслаждение в жестокости, предаваясь ей просто так, безо всякого повода. Обстоятельства его жизни привели к тому, что он очерствел, но от природы он был человекен; и добрые начала в его душе тотчас давали себя знать, когда страсти не затмевали его ум».

Сложное единство концептов ДУША - СТРАСТИ - УМ представлено определенно даже в лексическом плане.

5.3.3. И это только способствует более многомерным глубинным лингвоперсоналогическим характеристикам амбивалентности. Среди последних примечательна указанная выше мотивация позитива. Такая многогранная, обратимая связь готовит и к наиболее горестным финальным эпизодам - к убийству Манфредом дочери, сюжетно явленному как трагическая случайность, чему сопутствует мотив искреннего, окончательного раскаяния злодея:

« - Безвинная страдалица! Несчастливая жертва моих преступлений! - воскликнул Манфред. - Наконец сердце мое открыто для твоих благочестивых увещаний... О, если бы я мог... Но это невозможно... Вы недоумеваете... Так пусть же я сам наконец свершу над собою суд. Я сам должен выставить на позор свою голову - это единственное удовлетворение, которое я могу дать оскорбленным небесам. Мои деяния навлекли на меня эти кары; пусть хоть исповедь моя искупит... Но чем можно искупить вину узурпатора и убийцы собственной дочери, загубленной им в священном месте! Внимайте же все, и да послужит эта кровавая история предостережением будущим тиранам!».

Финальные восклицания, которые могли показаться ходульными, фальшивыми, образно закономерны: они - часть лингвоментально-эмоциональной сути амбивалентной личности.

6. Выполненная характеристика материала - основание наметить систему обобщений.

6.1. АЯЛ становится феноменом, служащим точкой отсчета при лингвистическом исследовании дискурсивной системности, в том числе дискурса литературной традиции. Обобщающая сила такой категоризации подтверждается системностью представления АЯЛ в достаточно разных ситуациях. Этому служат полевая организация материала, своеобразные, соотносенные с «готическим» дискурсом каскады ракурсов, особые «петли» проспективных и ретро-спективных связей. Каждый элемент, участвующий в значимой интеракции, ценен вдвойне: сам по себе и в составе сложных дискурсивных систем.

6.2. Рассмотренный феноменологический потенциал вступает в отношения взаиморазвития с категориальной парой «позитивное-негативное лицо». Линии такого взаимодействия обегают дискурс как от излишних общих мест, так и от тотального речевого хаоса. Отмеченная связь проявляется в выдвигании доминант амбивалентности, чем подтверждается речевая системность в рамках семантического поля. И прежде всего - в специфических ассоциативных отношениях, которые могут стать предметом дальнейшего рассмотрения. Приведенный ракурс

категоризации являет «трудное, позднее возрождение» персонажа; негопозитивность в реализации АЯЛ раскрывает, как предотвращается полный распад личности, ее окончательная гибель.

6.3. Разные грани языковой личности интегрируются на основе маркеров амбивалентности, в том числе с участием амбисемии, смены стилистических регистров. Показательно, что на основе речевой реализации полевых отношений различные персонажи данного дискурса могут быть явлены в амбивалентности. Движение сюжета и развитие репрезентации АЯЛ оказываются соположены, служат друг другу; с оговоркой допустимо полагать: сюжет в «готике» строится так, чтобы развернуть амбивалентность персонажа. Возможно, данный давний эстетико-психологический ресурс - причина возрождения «готики» в разных ее гранях сегодня, в век амбивалентности. Причем развивается такая амбивалентность, которая сознает свою ограниченность - и этим только укрепляется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Голубкова А.А. *Амбивалентное очарование модерна* // *Новый мир*. - 2016. - № 11. - С. 170-181.
2. Григоренко И.Н. *Текст как пространство реализации смысла и когниции*. - Краснодар: КСЭИ, 2016. - 130 с.
3. Левицкая Н.Е. Пространственная парадигма картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Бориса Рыжего // *Вестник Пятигорского государственного университета*. - 2016. - № 4.
4. Напцок Б.Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика (на материале английской литературы): Дис. ... д-ра филол. наук. - Краснодар, 2016. - 477 с.
5. Семенова А.В. *Кризис идентичности в современной социальной реальности* // *Донецкие чтения-2016. Т.5*. - Донецк; Ростов н/Д: ДНУ; ЮФУ, 2016. - С. 330-331.
6. Факторович А.Л. *Соотношение «голосов» при полифонии в немедийной политической коммуникации* // *Вестник Вологодского государственного университета*. - 2016. - № 1. - С. 82-87.
7. Харджиева Е.С. Персуазивность в детективно-следственном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. - Ростов н/Д, 2016. - 180 с.
8. Чернейко Л.О. *Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология?* // *Дискурс и стиль* / Под ред. Г.Я. Солганика. - М.: Наука; Флинта, 2016. - С. 52-71.
9. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. - Cambridge, 2 verb. Auflage. 1987. - 345 p.
10. Clery E.J. *The Genesis of Gothic Fiction* // *Cambridge Companion to Gothic Fiction*. - Cambridge; Melbourne, 2002. - Pp. 21-40.
11. Goffman E. *Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation*, Frankfurt a. M., 1971. - 323 s.
12. *The Cambridge History of the English Novel* / Ed. By Robert L. Caserio and Clement Hawes. - Cambridge, 2012. - 994 p.

REFERENCES

1. Golubkova A.A. *Ambivalentnoe ocharovanie moderna*. [Ambivalent charm of Modern]. *Novyi mir=New World*. 2016. No 11. Pp.170-181. (in Russ.)
2. Grigorenko I.N. *Tekst kak prostranstvo realizacii smysla i kognicii*. [Text as a sphere of realization of sense and cognition]. Krasnodar: KSEI, 2016. 130 p. (in Russ.)
3. Levitskaya N.E. *Prostranstvennaya paradigma kartiny mira avtora v peizazhnom diskurse liriki Borisa Ryzhego*. [Space paradigm of world picture of author in view discourse of lyrics of Boris Ryzhiy]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta=Herald of Pyatygorsk State University*. 2016. No 4. (in Russ.)
4. Naptsook B.R. *Tradicia literaturnoi "goiki": genesis, estetika, zhanrovaya tipologiya i poetika (na materiale angliyskoi literatury)*. [The tradition of literature "gothic": genesis, aesthetics, genre typology and poetics (in English literature material)]: Dis. ... doctor philol. sciences. Krasnodar, 2016. 477 p. (in Russ.)
5. *Semyonova A.V. Krizis identichnosti v sovremennoi sotsial'noi rea l'nosti*. [The crisis of identity in modern social reality]. *Donetskiy Chteniya 2016=Donetsk Readings 2016*. V.5. Donetsk; Rostov a/D: DNU; YUFU, 2016. Pp.330-331. (in Russ.)
6. *Faktorovich A.L. Sootnoshenie "golosov" pri polifonii v nemediynoi politicheskoi kommunikacii*. [Correlation of "voices" at polyphonic non-medial politic communication]. *Vestnik Vologodskogo universiteta= Herald of Vologda University*. 2016 No 1. Pp.82-87. (in Russ.)
7. Harjjeva E.S. *Persuazivnost' v detektivno-sledstvennom diskurse*. [Persuasion in detective-inquest discourse]: Dis. ... cand. philol. sciences. Rostov a/D, 2016. 180 p. (in Russ.)
8. *Cherneiko L.O. Diskurs: yazykovaya real'nost' ili lingvisticheskaya mifologiya?* [Discourse: language reality or linguistic mythology?]. *Diskurs i stil'=Discourse and style*. M.: Science; Flinta, 2016. Pp.52-71. (in Russ.)
9. Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, 2 verb. Auflage. 1987. 345 p.
10. Clery E.J. *The Genesis of Gothic Fiction*. Cambridge Companion to Gothic Fiction. Cambridge; Melbourne, 2002. Pp. 21 - 40.
11. Goffman E. *Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation*, Frankfurt a. M. 1971. 323 s.
12. *The Cambridge History of the English Novel*. Ed. By Robert L. Caserio and Clement Hawes. Cambridge, 2012. 994 p.

Информация об авторе

Алимурадов Олег Алимурадович, доктор филологических наук, доцент кафедры западно-европейских языков и культуры Пятигорского государственного университета.

Пятигорск, Россия

alimuole@mail.ru

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета.

Краснодар, Россия

af03@mail.ru

Получена 20.12.2016.

Для цитирования статьи: Алимурадов О.А., Факторович А.Л. Своеобразие дискурса «готики»: взаимосвязь литературной традиции и амбивалентности персонажа. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. . Том. 8. № 6. Часть 2. с. 147-154.

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-147-154.

Information about the author

Alimuradov Oleg A., Doctor of Philological Sciences, associate professor of West-Europe Languages and Cultures Chair of Pyatygorsk State University.

Pyatygorsk, Russia,

alimuole@mail.ru

Faktorovich Alexander L. Doctor of Philological Sciences, professor of Media History and Law Regulation Chair of Kuban State University.

Krasnodar, Russia,

af03@mail.ru

Received 20.12.2016.

For article citation: Alimuradov O.A, Faktorovich A.L. Svoeobrazie diskursa "gotiki": vzaimosvyaz' literaturnoy tradicii i ambivalentnostu personaja. [The peculiarity of "gothic" discourse: correlation between the literature tradition and ambivalent image]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 147-154. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-147-154. (in Russian)